

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССІИ.

Старая жизнь Москвы, какъ государства, имѣла свой крѣпкій, русскій укладъ, въ которомъ были заложены опредѣленныя идеи и въ которомъ жили и дѣйствовали живые люди. Вскрывая эти идеи и возстановляя жизнь этихъ людей, историкъ дастъ матеріалъ, въ который долженъ всматриваться строитель новой жизни, отдѣляя въ этомъ матеріалѣ то, что отжило, какъ пожелтѣвшій осенній листъ, и запоминая то, что и впредь должно жить какъ необходимый элементъ самаго «древа» народной и государственной жизни, исторически выросшаго изъ своихъ корней. Настоящіе очерки должны дать читателю частицу такого матеріала, сосредоточивая его около именъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей нашего родного историческаго прошлаго.

1. Митрополитъ Макарій.

Передъ нами Москва середины XVI столѣтія. Процессъ собиранія отдѣльныхъ, не объединенныхъ, или еще слабо соединенныхъ съ Литвою, русскихъ земель закончился, и передъ Москвою вставала задача объединенія всего русскаго міра, а уже не разрозненныхъ княжествъ и земель. Московскій князь-вотчинникъ выступаетъ, какъ нарождающійся носитель національной властью надъ Русью, освобождающейся отъ татарскаго ига и какъ обладатель наслѣдія «царя»-императора Византіи, Новаго Рима, какъ глава Третьяго Рима, послѣ котораго «четвертому не быть» по ученію московскихъ идеологовъ. Наслѣдникъ «пращура» своего св. Владиміра, московскій князь, со временъ Ивана III и Василія III, уже заявлялъ: «вся Русская Земля отъ прародителей нашихъ наша вотчина». Москва, какъ рождающееся государство всего русскаго народа, начинала выходить и на арену европейской политики въ своихъ иностранныхъ сношеніяхъ.

Въ то же время Русская Церковь завершала выработку своей самостоятельности и мирового значенія, приближаясь къ формальному ихъ признанію провозглашеніемъ Московскаго и всея Россіи патріархата, совершившимся черезъ нѣсколько десятилѣтій, въ 1589 году. Русская Церковь именно въ эту эпоху сознавала, опредѣляла и закрѣпляла свои русскія особенности. Задачи власти, государственной и церковной, становились громадными и сложными, выростая естественно, эволюціонируя въ развивавшейся и осложнявшейся жизни Московскаго княжества, которое превращалось уже въ «государства Россійскаго Царствія». Эти разрастающіяся задачи требовали дѣятелей, способныхъ подняться на ихъ высоту. И старая Москва смогла выдѣлать такихъ дѣятелей изъ богатыхъ запасовъ силъ русскаго народа. Однимъ изъ нихъ былъ митрополитъ Макарій.

Гдѣ, въ какомъ городѣ или селеніи Русской Земли, онъ родился и чѣмъ сыномъ былъ? Этого мы не знаемъ, какъ не знаемъ точно и времени его рожденія—вѣроятно въ 1481 или 1482 году. Какъ очень большое число русскихъ дѣятелей стараго времени, онъ является для потомства просто русскимъ человѣкомъ, простымъ «трудникомъ» Русской земли, безъ того себялюбиваго интереса къ своей личности, который копится притязающія на память потомства данныя и переживанія личной жизни. Макарій принялъ монашество въ Пафнутьевскомъ Боровскомъ монастырѣ, въ нынѣшней Калужской губерніи. Позднѣе — онъ архимандритъ Можайскаго Лужковскаго монастыря, извѣстный какъ знатокъ Св. Писанія — «дана ему бысть отъ Бога мудрость въ божественномъ Писаніи». Въ 1526 году возведенъ на Новгородскую архіепископскую кафедру, на которой проявилъ себя выдающимся пастыремъ, организуя церковную жизнь и бывъ тамъ «людямъ заступленіе велие». Уже тогда «многіа ради его добродѣтели въ всей Россіи слава о немъ происхождаше».

Въ срединѣ марта 1542 года архіепископъ Макарій былъ нареченъ соборомъ епископовъ въ митрополита и поставленъ на митрополию «матери градовъ Москвы». Это совершилось въ годы боярскаго правленія за малолѣтствомъ Ивана IV, когда шла борьба за власть среди окружавшихъ юнаго великаго князя бояръ, послѣ низложенія одного за другимъ двухъ митрополитовъ (Даніила и Юасафа), когда колебался самый авто-

ритеть носителя высшей церковной власти, когда центр Московскаго государства являлъ собою арену интригъ неразборчивыхъ въ средствахъ властолюбцевъ, а московскія области отдавались произволу ихъ «клевретовъ», и когда не только окраины, но и не такъ далекія отъ самой Москвы земли, были подъ угрозою внѣшнихъ враговъ, особенно татаръ, со всѣмъ ужасомъ татарскихъ набѣговъ, съ ихъ опустошеніями и пожарами, съ продажею въ далекое рабство тысячъ полоненныхъ русскихъ людей.

Совершенно ясно, что первую заботою Макарія и въ интересахъ Церкви, и въ интересахъ Земли, былъ великій князь, вотчинникъ Московскаго государства, и охрана «православнаго христіанства», — его народа. Иванъ IV погибалъ, какъ чело-вѣкъ, въ грубыхъ забавахъ того суроваго вѣка, толкаемый въ нихъ правившими его именемъ властолюбцами, ради отвлече-нія его вниманія отъ своихъ дѣлъ. 12 декабря 1546 года шестнадцатилѣтній Иванъ вернулся въ Москву изъ поѣздки по се-ламъ, послѣ развлеченій, которыхъ онъ тамъ искалъ. И 13-го уже декабря Макарій имѣетъ совѣщаніе съ великимъ княземъ. Его результаты: рѣшеніе Ивана вступить въ бракъ, а предва-рительно вѣнчаться на царство. Съ этого момента Макарій на все время своей дальнѣйшей жизни, всталъ за Иваномъ IV, за своимъ «о Святѣмъ Дусѣ сыномъ и господиномъ», какъ крѣп-кая опора въ его внутренней борьбѣ съ самимъ собою, какъ его совѣтникъ въ дѣлахъ жизни и правленія.

Зачѣмъ и почему Макарій выдвинулъ царское вѣнчаніе, рядомъ съ бракомъ Ивана IV? Не только потому, что Москов-ское княжество уже выросло къ этому времени въ своемъ внѣш-немъ могуществѣ и идейномъ содержаніи, и стало царствомъ, но и для того, чтобы спасти юнаго великаго князя какъ чело-вѣка, поднять его на такую высоту, которая заставитъ его самого подняться на нравственную «сте-пень»: ибо Богъ освятитъ его санъ и власть, но даруя ему ихъ, возложитъ на него за нихъ и отвѣтственность, какъ за врученные ему Богомъ.

16 января 1547 года въ Московскомъ Кремлѣ, въ Успен-скомъ Соборѣ, «первопрестольной великой соборной апостоль-ской церкви Пречистыя Богородицы», празднично украшенной, впервые совершилось царское вѣнчаніе, съ возложе-ніемъ «царскаго сана» (бармы, вѣнецъ, скипетръ), вмѣстѣ со

«святымъ животворящимъ крестомъ», на «великаго государя», съ молитвою митрополита, начинавшеюся словами: «Господи Боже нашъ, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, иже Самоиломъ Пророкомъ избра раба Своего Давыда и помазавъ того во цари надъ людьми Своими израильтяны...»

Ко вновь явленному русскому царю Макарій обратился съ назидательнымъ словомъ, и это слово стало основою, изъ которой исходили всѣ послѣдующія поученія русскихъ іерарховъ вѣнчаемымъ царямъ «Превеликой Россіи». «Се отъ нынѣ поставленъ еси. Князь Великій, Боговѣнчаный Царь правити хоругви и содержати скипетръ великаго Царства Россійскаго и вѣнчанъ еси симъ царскимъ вѣнцемъ по благодати Святаго Духа и милости Пресвятыя Богородицы...», говорили эти слова. Какія же требованія предъявляла Русская Церковь къ царю? Первое изъ нихъ: «имѣй страхъ Божій, то бо есть начало всему благовому... Таже. сохрани вѣру христіанскую греческаго закона чисту и непоколебиму и соблюди царство свое чисто и непорочно, яко зѣницу ока». За этимъ слѣдуетъ второе: люби «братію свою по плоти»: бояръ «помилуй и береги», къ своему «христіанскому воинству буди пристуненъ и милостивъ и привѣтенъ по царскому своему сану и чину; всѣхъ православныхъ христіанъ блюди и жалуй и попеченіе о нихъ имѣй отъ всего сердца; за обидимыхъ стой царски и мужески, и не попускай и не давай обидити ихъ не по суду и не по правдѣ — сего бо ради, царю, пріялъ еси правити хоругви великаго Царства Россійскаго, и разсуди и прави люди твоя въ правду».

Царь получаетъ «державу» и «силу» отъ Бога, но самъ онъ имѣетъ надъ собою Царя, «иже на небеси». И этотъ Царь говоритъ словами Писанія поставляемому Имъ земному царю: «да не оправдиши нечестиваго мзды ради, не сотвори неправду въ судѣ, яко судъ Божій истиненъ есть... Вамъ глаголю, цари, утѣшайте скорбящихъ. избавляйте обидимаго отъ сильныхъ руки, сіи бо отъ богатыхъ подавляемы притекаютъ къ вамъ, яко къ заступникамъ». Обращаясь къ царю, Русская Церковь взываетъ: «возмогай, о православный царю, и паки возмогай, да наслѣдникъ будеши Небеснаго Царствія со всѣми святыми православными цари. да возможеши со дерзновеніемъ реци во

второе пришествіе Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: се азъ, Господи, и люди Твоя, яже ми еси далъ, великаго Твоего Царства Россійскаго».

Пусть всѣ эти святые мысли и поученія Русская Церковь уже давно хранила въ своихъ нѣдрахъ; пусть они были сведены въ систему къ этому времени такъ называемыми «осифлянами» и ихъ главою, преп. Іосифомъ Волоцкимъ; — въ торжественной обстановкѣ царскаго вѣнчанія они были высказаны митрополитомъ Макаріемъ и стали съ тѣхъ поръ завѣтомъ, который Русская Церковь бережно передавала всѣмъ послѣдующимъ царямъ «Превеликой Россіи», хотя и не въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя сошли съ устъ Макарія.

Что долженъ былъ пережить Иванъ IV во время своего царскаго вѣнчанія! Здѣсь былъ переломъ въ его личной жизни и начало того блага, которое было принесено имъ русскому народу въ первую половину его царствованія, когда онъ не сталъ еще «Грознымъ», въ томъ смыслѣ, который обычно придается этому обозначенію со времени «злой опричины». Но она была введена уже послѣ смерти митрополита Макарія, о которомъ самъ царь потомъ вспоминалъ такими словами: «о Боже! коль бы счастлива Русская Земля была, коли бы владыки таки были, яко преосвященный Макарій!» Величавый и строгій образъ Макарія стоитъ около Ивана IV со времени его вѣнчанія, стоитъ на стражѣ Русской Церкви и «возлюбленнаго ему земного отечества Россіи», въ событіяхъ царствованія, пока живъ Макарій. Онъ питаетъ добрую волю царя, который «совѣтуется» съ нимъ во всемъ сколько-нибудь важномъ — своемъ, личномъ, и земскомъ, народномъ. Онъ сдерживаетъ приступы страстнаго гнѣва Ивана IV, «печалуя» за осужденныхъ и ихъ «отпрашивая отъ смерти». Походы на Казань для избавленія русскаго народа отъ постоянной опасности со стороны этого разбойничьяго гнѣзда, взятіе ея — все это проходило при молитвѣ митрополита за Россію и при постоянной духовной поддержкѣ имъ ея молодого царя. Казань взята; но «здержить» ли ее въ своихъ рукахъ русскій царь? А дальше — присоединеніе Астрахани, борьба съ Крымомъ, Ливоніей, Литвою. Сколько требовалось внутренней силы, чтобы не дать воли малодушію въ это тяжелое время! И митрополитъ Макарій эту силу хранилъ и ве-

ликою мощью Русской Церкви. и своимъ личнымъ авторитетомъ . . .

Время, въ которое жилъ Макарій, выдвигало передъ нимъ, какъ первосвятителемъ Русской Церкви, съ особою настойчивостью задачу утвердить міровое значеніе и высоту ея на святыхъ костяхъ и подвигахъ русскихъ чудотворцевъ, молитвенно «предстоящихъ Престолу Всевышняго». Уже въ домакарьевскую эпоху Русская Церковь имѣла 67 святыхъ общерусскаго или мѣстнаго признанія. На созванныхъ Макаріемъ Соборахъ 1547 и 1549 годовъ были канонизованы еще 39 «новыхъ чудотворцевъ», изъ которыхъ большая часть уже чтилась на мѣстахъ, но не во всемъ Московскомъ царствѣ. Святая русская не только выросла теперь въ своемъ сокровищѣ, но и получила общерусское признаніе: общими для всей Руси святыми стали тѣ, которые раньше, какъ святые мѣстные, вѣрою русскаго народа признавались защитниками и покровителями отдѣльныхъ частей Русской Земли и которые теперь стали молитвенниками за всю «Землю Святорусскую».

Но части Россіи имѣли и свои чтимыя мѣстныя иконы, въ которыхъ видѣли «святые щиты» для частей Русской Земли, а не для нея всей. И эти иконы собираются въ Москвѣ, въ оригиналахъ или точныхъ спискахъ — московскіе храмы стали хранить и мѣстную святыню всѣхъ «государствъ Россійскаго Царствія». Въ обновленіи иконъ и писаніи копій съ чтимыхъ на мѣстахъ, митрополитъ Макарій трудился и какъ «иконный писецъ», какъ «иконному писанію наученый сей хитрости». Москва, центръ «Великой Россіи», была хранилищемъ общерусской святыни, а ея храмы были мѣстомъ молитвы за всю Землю Русскую. Въ этихъ храмахъ—«иконы, величѣнно украшенныя золотомъ и серебромъ и драгоценнымъ камнемъ», съ горящими передъ ними лампадами и паникадилами, въ нихъ — «красногласныя иѣнія благолѣпныхъ священниковъ» и «кадила съ благовоннымъ ухаиѣмъ»; на ихъ звонницахъ—«доброгласныя свѣтошумные колоколы». Благолѣпіе богослуженія украшало московскіе храмы: и его красоту, уставную строгость и значеніе такъ понималъ и чувствовалъ митрополитъ Макарій... Онъ усердно заботился о ней какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ градахъ и весяхъ. Онъ освятилъ и длинный рядъ новыхъ храмовъ, и въ ихъ числѣ: храмъ «Пресвятые Владычицы нашея Богородицы честный Покровъ», построенный

«о Казанской побѣдѣ»; при Макарії же былъ замѣненъ каменнымъ «о девяти верхахъ» и освященъ — храмъ, извѣстный теперь подъ именемъ «Василія Блаженнаго», близъ Флоровскихъ (теперь Спасскихъ) воротъ.

Особой заботой митрополита пользовался Успенскій Соборъ, главный храмъ «Царства Московскаго», возобновленный послѣ пожара 1547 года, хранившій въ себѣ главную святыню сѣверо-восточной Руси, Владимірскую икону Божіей Матери, и мощи Св. Петра Митрополита. Его купола были покрыты вызолоченною мѣдью, а внутри его поставленъ пятиярусный иконостасъ съ иконами, подобранными по днямъ замѣчательныхъ событій исторіи «Превеликой Россіи». Онъ не только служилъ молитвѣ русскаго человѣка, но и запечатлѣлъ въ себѣ воспоминанія русской славы и собранія Руси.

Русская Церковь требовала не одного благолѣпія своего богослуженія, но и внутренняго порядка и благочинія. Стоглавый соборъ 1551 года ставилъ своею задачею ихъ создать. Духовная жизнь «православнаго христіанства» нуждалась въ духовной пищѣ «ч т о м ы х ъ к н и г ѣ», и Макарій постарался ихъ собрать въ единомъ собраніи. Такъ возникъ величайшій памятникъ старой русской письменности,—Макарьевскія Минеи-Четви, въ 12-ти громадныхъ томахъ, изъ которыхъ каждый съ трудомъ поднимаютъ руки ихъ читающаго и въ которыхъ по днямъ мѣсяцевъ собраны всѣ творенія евангелистовъ, апостоловъ, отцовъ и учителей Церкви, житія святыхъ и поученія — «всѣ святыя книги собраны и написаны, которыя въ Русской Землѣ обрѣтаются». Самъ Макарій объ этомъ своемъ трудѣ говоритъ: «а писалъ есми и събиралъ и въ едино мѣсто ихъ совокуплялъ дванадесять лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писари. не щадя сребра и всякихъ почастей».

Собравшіяся въ «Россійское Царствіе» части Русской Земли и русскаго народа должны были знать и свое историческое прошлое, чтобы уяснить себѣ свое настоящее и опредѣлять задачи своего будущаго. Рядомъ съ мѣстными лѣтописями и ихъ сводами, на Руси, около митрополіи уже давно вырабатывались общерусскіе «митрополичьи», лѣтописные своды. И именно при митрополитѣ Макарії совершилось завершеніе этой работы составленіемъ самаго полного общерусскаго лѣтописнаго свода, случайно только не получившаго его имени и извѣстнаго подъ именемъ Никоновскаго, какъ на-

печатаннаго въ XVIII столѣтїи со списка, принадлежавшаго патриарху Никону. При Макаріи же было закончено и составленіе такъ называемой «Книги Степенной Царскаго Родословія», въ которой впервые дано изложеніе русской исторїи на основѣ ея единства, понятаго въ смыслѣ ея единенія съ ея историческою властью. «отъ варяга Рюрика» до «царя и великаго князя Ивана». Съ именемъ Макарія связано и устройство Печатнаго Двора, типографїи. «Изыскивати мастерства печатныхъ книгъ» въ Москвѣ стали не только «повелѣніемъ» царя Ивана IV, но и «благословеніемъ» митрополита Макарія.

Конечно, и распространеніе христіанства среди язычниковъ Московскаго государства было дѣланіемъ Макарія. Еще въ бытность свою архіепископомъ Великаго Новагорода онъ организовалъ миссію въ Водской пятинѣ (части нынѣшнихъ Петроградской и Новгородской губерній, а также Финляндіи). Какъ митрополитъ, онъ ее ведетъ среди лопарей (у Бѣлаго моря) черезъ приснопамятнаго преподобнаго Трифона Печенгскаго и его сотрудниковъ. Завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго возложило на русскую православную миссію новую задачу. Но какую инструкцію далъ Макарій первому Казанскому архіепископу Гурію въ 1555 году? — «Всякими обычаями, какъ возможно, приучать ему татаръ къ себѣ и приводить ихъ любовью на крещеніе, а страхомъ ихъ ко крещенію никакъ не приводить».

Такова была дѣятельность митрополита Макарія, если мы на нее посмотримъ въ тѣхъ, только главнѣйшихъ ея проявленійхъ, которыя доступны короткому очерку. Но гдѣ же его личная жизнь? — можетъ спросить читатель. Она цѣликомъ въ его дѣлѣ. въ его служенїи Церкви и Землѣ. Лишь въ предсмертной своей болѣзни, въ исходѣ 1563 года, восьмидесятилѣтній старецъ-митрополитъ, вспомнилъ о ней, когда уже «изнемогалъ» въ своей тяжелой «немощи». Онъ молилъ царя: «отпусти меня въ мое постриженье», т. е. въ Пафнутаевъ Боровскій монастырь, гдѣ онъ юношею позналъ впервые сладость иноческой молитвы, и, какъ человекъ, хранилъ воспоминаніе этого момента своего личного счастья во всю свою долгую жизнь. Царь отказалъ: Макарій былъ слишкомъ великъ въ своемъ санѣ и значенїи для Земли, чтобы глава ея могъ

позволить ему окончить свою жизнь въ монастырскомъ уединеніи. И митрополитъ подчинился царской волѣ. Для себя онъ привыкъ не искать личныхъ утѣхъ. Себя онъ сознавалъ простою и неотдѣлимою частицею двухъ великихъ силъ, которымъ имя Русская Церковь и Русская Земля. О себѣ онъ писалъ въ своихъ Минеяхъ-Четьяхъ: «всѣхъ молю и колѣнома касаюся . . . , да въспоминають смиренную и грѣшную мою душу въ святыхъ своихъ ко всесилному Богу молитвахъ».

И. И. Лаппо.
